

ские полки очень активно участвовали в военных действиях на Кавказе как до, так и во время Крымской войны. В 1855 году в боевых действиях под Карсом принимали участие и отличились три драгунских полка: Нижегородский, Новороссийский и Тверской. Очевидно, Ардалион Иволгин являлся офицером одного из них. Ко времени появления князя Мышкина в «недрах семейства» Иволгиных воспоминания генерала о своих подвигах под Карсом уже давно приобрели вид сильно приукрашенной, почти анекдотической истории, которую герой, «старый несчастный солдат и отец семейства» (8, 91), рассказывал с большой охотой всякому собеседнику (8, 92, 104, 156, 313).

Для «заслуженного старого воина» (8, 107), ветерана Крымской войны, сознававшего какие силы были на нее затрачены и каковы были ее конечные результаты, закрепленные «позорным» Парижским миром 1856 года (по которому Турции возвращалась и крепость Карс, при взятии которой отличился он сам и где, вероятно, даже получил пулевое ранение (8, 92)), вполне логичным было обращение к хранившемуся в памяти близкому историческому примеру военной славы России — победе над Великой армией Наполеона. Сравнение двух этих войн было начиная с середины 50-х годов, довольно распространенным явлением. Уже спустя два месяца после победного Синопского сражения и незадолго до начала Крымской войны российский император Николай I написал в ответном письме французскому императору Наполеону III: «Я имею веру в Бога и в мое право, и я ручаюсь, что Россия в 1854 году та же, какой была в 1812».¹³ Как комментирует эти строки историк Е. В. Тарле: «Именно эти слова в устах царя и требовались Наполеону III, который всячески разжигал шовинистические чувства во Франции, проводя мысль, что необходимо получить от России реванш за 1812 год».¹⁴

Мнение Николая I разделялось многими в российском обществе: «А ты, Луи-Наполеон, тебе пример — покойный дядя! Поберегись и будь умен, на тот пример великий глядя!» — писала графиня Ростопчина. Князь П. А. Вяземский, лично участвовавший в Бородинском бою, тоже предостерегал «племянника» напоминанием о его дяде, о том герое, «кем полна была земля, кто взлетел на пирамиды, кто низвергнут был с Кремля, не стерпевшего обиды!».¹⁵ Ф. И. Тютчев в ноябре 1853 года писал о Крымской войне как о возвращении духа 1812 года: «В сущности, ведь это для России возобновление 1812 года, и нападение на нее направленное, будет, может быть, также грозно, даром, что оно не воплощается в одном человеке, и таком великом человеке, каков был первый Наполеон».¹⁶

Ф. М. Достоевский также отдал дань общим настроениям: в стихотворении «На первое июля 1855 года» он писал: «Когда настала вновь для русского народа / Эпоха славных жертв двенадцатого года / И матери, отдав царю своих сынов...» (2, 407). В послевоенной повести писателя «Дядюшкин сон» пародийное превознесение таких наполеонистов, как Марья Александровна и князь К., происходит на фоне идущей Крымской войны: об этом говорят слова о намерении «составить театр, — для патриотического пожертвования... в пользу раненых...» (2, 313). Как пишет Е. Г. Матюшенко: «Тень Наполеона I часто встречается в русской карикатуре на французскую армию и Наполеона III (так же, как и впоследствии на советском антигитлеровском плакате времен Великой Отечественной войны)».¹⁷ Вместе с тем «поражение России в Крымской войне обострило противопоставление двух

¹³ Тарле Е. В. Крымская война: В 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 440.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 121—122.

¹⁶ Цит. по: Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 230.

¹⁷ Матюшенко Е. Г. Наполеоновский миф в России // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996—1998. М., 2003. С. 187.